

УДК 82-31
DOI 10.22455/2541-7894-2018-4-219-239

Ирина ГОЛОВАЧЕВА, Анастасия СОЛОВЬЕВА

ЗАЧЕМ МНОЖИТЬ СУЩНОСТИ? МНОЖЕСТВЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ В АМЕРИКАНСКОЙ ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация: Диссоциативное расстройство идентичности (DID) – диагноз, который вошел в копилку сюжетов американской популярной литературы с середины XX в. Романы «Птичье гнездо» (1954) Ш. Джексона и «Три лица Евы» (1957) К. Тигпена и Х. Клекли ознаменовали первую волну популярности текстов о расщеплении личности. Но лишь «Психопат» (1959) Р. Блоха накрепко связал этот диагноз с детской сексуальной травмой. «Роман расщепления» стал формульным после публикации «Сибил» (1973) Фл. Шрайбер, где число эго-состояний героини достигает шестнадцати, и обозначил второй пик популярности жанра. Публикация «Сибил» вызвала настоящую эпидемию DID, возможно, истерическую, что, в свою очередь, привело к жарким спорам о реальности этого феномена. «Роман расщепления» высвечивает парадоксы психики и психотерапии. Авторы статьи отводят особое место «Множественным личностям Билли Миллигана», так как эта книга ярче других деконструирует психическую болезнь как нравственную проблему.

Ключевые слова: диссоциативное расстройство личности, «роман расщепления», психиатрия, сексуальная травма, Билли Миллиган, медицинская гуманистика

© 2018 Ирина Владимировна Головачева (доктор филол. наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия) igolovacheva@gmail.com

© 2018 Анастасия Сергеевна Соловьева (магистрант; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия) star.58@list.ru

Irina GOLOVACHEVA, Anastasia SOLOVYEVA

WHY ARE ENTITIES MULTIPLIED? MULTIPLE PERSONALITY DISORDER IN AMERICAN POPULAR FICTION

Abstract: Since the mid-20th century, dissociative identity disorder (DID) has been one of the most exciting subject-matters in American popular fiction. Sh. Jackson's *The Bird's Nest* (1954) and C. Thigpen & H. Cleckley's *The Three Faces of Eve* (1957) marked the first peak of popularity of 'multiple personality' texts. However, it was only after R. Bloch's *Psycho* (1959), that split personality became firmly connected to child sexual abuse. Split Consciousness Novel became formulaic after F. Schreiber's *Sybil* (1973), where the protagonist's ego-states further multiplied. Its publication in 1973 marked the second peak of the popularity of the genre. Moreover, it triggered the public imagination bringing about the DID epidemics, possibly hysterical, and heated discussions concerning the validity of this diagnosis. Split Consciousness Novel highlights the paradoxes of psychotherapy and communication at large. The authors of the essay deconstruct *The Minds of Billy Milligan* in detail since it problematizes psychic disease as ethical paradox.

Keywords: dissociative identity disorder, Split Consciousness Novel, psychiatry, sexual trauma, Billy Milligan, medical humanities

© 2018 Irina V. Golovacheva (Doctor Hab. in Philology, Professor; Saint-Petersburg State University, Russia) igolovacheva@gmail.com

© 2018 Anastasia S. Solovyeva (Graduate Student; Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia) star.58@list.ru

В последней четверти XX века популярная литература о *психических* недугах обрела «второе» дыхание. Объяснение, по-видимому, следует искать не столько в моде или в духе времени, сколько в возникновении и институционализации особой области междисциплинарного знания – *медицинской гуманистики* (medical humanities). Медицинская гуманистика охватывает широкий круг проблем этико-биологического, этико-медицинского характера, с одной стороны, и культурно-дискурсивного, с другой. Художественные тексты и кинематограф, авто- и биографические произведения, равно как и научные штудии, связанные с феноменом болезни и институтом медицины, получили в этом новом свете почти одинаковый статус, т. к. каждый из перечисленных культурных феноменов переосмысливается в свете неолиберальных идей гуманизма и прав человека. Литература в таком ракурсе порой выступает в качестве «пособия», обогащая рефлексию специалистов о зыбких границах психического здоровья и позволяя воспринять субъективный опыт душевной болезни вне рамок диагностических категорий¹. Пожалуй, медицинская гуманистика стала ярким доказательством того, что гуманитарные науки прорастают в гуманитарную практику.

Случайно или закономерно, но институционализация медицинской гуманистики совпала с волной публикаций так называемых патогRAFических текстов – повествований пациентов о болезни, точнее, «отчетов» о борьбе (как правило, успешной) с болезнью, в том числе с самыми разнообразными душевными недугами (биполярным расстройством, шизофренией, деменцией, обсессивно-компульсивными расстройствами, диссоциацией идентичности и пр.) Авторами подобных историй выступают не только больные, но и доктора, медсестры и даже санитары². Совокупность этих текстов, по вполне понятным причинам пользующихся колоссальной популярностью, стала особым поджанром (авто)биографии, порой функционируя как новая массовая

¹ В качестве примера сошлемся на журнал *Journal of Medical Humanities*. – URL: <https://link.springer.com/journal/10912>.

² См. подробнее, например, Hawkins, A. *Reconstructing Illness: Studies in Pathography*. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 1996. В качестве примеров мемуаров о борьбе с психическим недугом, см. Jamison, K.R. *An Unquiet Mind: A Memoir of Moods and Madness*. New York: Vintage, 1993; West, C. *First Person Plural: My Life As a Multiple*. New York: Hyperion, 1999; Dee, R. *Fractured: Nine Lives to Escape My Own Abuse*. London: Hodder & Stoughton, 2009; Gregory, J. *Sickened: The Memoir of a Munchausen by Proxy Childhood*. New York: Bantam Dell, 2003; Oxnam, R.B. *A Fractured Mind: My Life with Multiple Personality Disorder*. New York: Hyperion, 2005; Jamieson, A. *Today I'm Alice: Nine Personalities, One Tortured Mind*. London: Sidgwick & Jackson, 2009.

приключенческая и одновременно исповедальная литература. Несомненно, что «правдивые отчеты» о борьбе и победах над болезнью не могли не затронуть эмоциональность американцев, которые особенно, «генетически», восприимчивы к рассказам о силе духа, вере в себя и преодолении: достаточно вспомнить многочисленные true relations первых поселенцев.

Обилие повествований пациентов и докторов не только не оставило, но, напротив, подстегнуло авторов триллеров и детективов, которые, как известно, активно эксплуатируют психиатрическую топику. После публикации романов Томаса Харриса о Ганнибале Лектере, первый из которых – «Красный дракон» (*Red Dragon*) – вышел в 1981 г., серийный маньяк-психопат (в случае с Лектером он еще и людоед) стал обретать в массовой культуре черты героя нашего времени, впоследствии дополнившись фигурой не вполне здорового антагониста-сыщика. Копилка саспенс-сюжетов – наряду с теми, что тиражируют персонажную пару «маньяк-психопат vs. детектив-аутист» – дополнялась историями о жертвах иной психопатологии, а именно так называемого «диссоциативного расстройства идентичности» (*dissociative identity disorder – DID*), прежде называвшееся «синдром множественной личности». Под DID понимается совокупность психических нарушений, в частности провалов в памяти, нарушений личностной идентичности, которые ведут к тому, что Я разделяется на несколько эго-состояний. В результате у больного создается впечатление, что в нем существует несколько субличностей, порой разного пола, возраста и национальности и, следовательно, характера. Между личностями периодически происходит «переключение», т.е. разные личности попеременно завладевают сознанием. Данное расстройство является крайним проявлением диссоциации – механизма психологической защиты, при котором человек начинает воспринимать происходящее с ним так, как будто это происходит с кем-то посторонним. Это защитный механизм, позволяющий заслониться от непереносимых эмоций.

Диссоциативное расстройство идентичности периодически становится основой сюжетов преимущественно в американской литературе.

История умножения

Первой американской историей о расщеплении личности – на тот момент всего лишь о *раздвоении* – принято считать весьма непростой для деконструкции рассказ Э. А. По «Уильям Уилсон» (*William*

Wilson, 1839). Двойник, второй Уильям Уилсон, представлен в этом тексте, с одной стороны, как реальный персонаж, чье появление подтверждено свидетелями, с другой – как порождение большой совести протагониста, с третьей – как аллегория саморефлексии и самодеструкции.

Рожденное в 1885 г. британское чудовище Джекил-Хайд ошибочно трактуется как пара двойников. Р. Л. Стивенсон изображает Джекила-Хайда как совокупность, как единый чудовищный трансформер, результат научного опыта. Писатель хоть и настаивает на сосуществовании двух личностей, на самом деле описывает трансформации одной и той же психической материи. И действительно, Джекил не сомневается в том, что Хайд – это он сам в измененном состоянии его же собственного тела и сознания. Комбинированное тело-сознание Джекила-Хайда – это безусловный монстр-конгломерат в отличие от существующих параллельно двойников. Тем не менее, стивенсоновская идея психического отторжения нежелательных или болезненных эмоций от «Я», предшественница идей Фрейда, сыграла значительную роль в становлении формулы, которую можно назвать «роман расщепления».

Весьма оригинально традицию По воспринял американец Генри Джеймс спустя семьдесят лет после «Уильяма Уилсона». Джеймс исследовал «сумеречное сознание», пограничное состояние психики в «Веселом уголке» (*The Jolly Corner*, 1908), одном из самых известных «международных» рассказов о возвращении в Америку после долгого пребывания в Европе, о проверке на идентичность, о «доверии к себе» американца, ставшего «новым европейцем». Джеймс не просто «вынес» образ alter ego Спенсера Брайдона за пределы его личности, а дал этой «внешней» части как пространственную, так и темпоральную самостоятельность: жизнь двойника Брайдона протекала не только на другом континенте, но и в другом временном измерении³.

Примерно в то же время, в первое десятилетие XX в., в Америке вышел самый знаменитый труд, посвященный множественной идентичности: «Диссоциация личности» (*Dissociation of a Personality*, 1906), написанный неврологом и психиатром Мортонем Принсом и ставший итогом его многолетней, длившейся около двадцати лет, работы с пациенткой Кларой Нортон Фаулер, которая выведена под псевдонимом мисс Кристина Бешам. Объемное, детальное, красочное и убедительное изложение данного клинического случая захватывает гораздо силь-

³ Подробнее о двойниках По и Джеймса см. Головачева И.В. Битва alter ego: от По до Генри Джеймса // По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национально-го гения / ред. С. Фокина и А. Ураковой. М.: Новое Литературное Обозрение, 2017. С. 176–188.

нее, чем любые художественные фантазии на эту тему. Разные личности и состояния мисс Бешам могли бы послужить основой бестселлера и блокбастера. В самом деле, сознание этой пациентки породило не только четыре радикально отличных друг от друга «я», но и наделило каждого из внутренних «персонажей» своим возрастом, эмоциональностью и когнитивными способностями. Более того, каждая из личностей обладает собственным почерком, каждая не только сохраняет некий индивидуальный эмоциональный стержень, но и меняет психические состояния вплоть до галлюцинаций, не видимых другими личностями. Эти достаточно самостоятельные проекции «Я» также оказались способны раздваиваться при определенных обстоятельствах.

При диссоциативном расстройстве целостность исходного подлинного «Я» нарушается, ему закрывается доступ к части воспоминаний, ощущений, знаний и умений, поведенческих реакций. Оставшаяся часть сознания восстанавливает себя до целого, создавая новую личность, способную к самостоятельной деятельности. Мортон Принс выделяет несколько уровней дезинтеграции сознания. В своей простейшей форме вторичные личности могут проявляться через бессознательные состояния, например, такие как автоматическое письмо. Более развитые формы вторичных личностей идентичны состоянию транса. В этих случаях альтер-личность не существует полноценно, а выходит из своей «раковины» лишь при особых условиях, когда пациент погружается в «транс». Таким образом, в подобных случаях независимая жизнь вторичных личностей строго ограничена рамками сеанса. Такие личности не способны жить своей жизнью в «большом мире». И наконец, самые сложные и развитые формы расщепления наблюдаются в тех случаях, когда вторичные личности обладают более сложной организацией ментальных структур, которая позволяет им действовать абсолютно независимо от ядерной личности, приближаясь к тому, что можно было бы назвать «нормальной жизнью».

Блистательно описанная Принсом коммуникация (устная и письменная, успешная и несостоятельная) между разными идентичностями, их избирательные и сугубо индивидуальные провалы памяти, стратегии обмана, согласие или отказ общаться друг с другом – вся эта совокупность фантастических феноменов, явленных единым сознанием мисс Бешам, способна посрамить профессиональных литераторов и сценаристов.

Вслед за выходом в свет труда Мортон Принса и, возможно, под его влиянием, появилась статья его однофамильца, также психиатра и парапсихолога Уолтера Франклина Принса «Дорис: Случай мно-

жественной личности»⁴. Психика пациентки, представленной читателям как Дорис Фишер, «прибегла» к раздвоению, т.е. бегству от себя, а в дальнейшем и к умножению идентичностей вследствие эпизода насилия: ее намеренно сбил с ног отец, когда девочке было три года. В качестве защитной реакции сначала проявилась личность, названная «Спящая Маргарет», затем объявился отдельный персонаж – «Маргарет». Процесс психотерапии выявил еще две личности: «Большую Дорис», и наконец, «Спящую подлинную Дорис».

Полвека спустя Ширли Джексон, мастер готического хоррора, которая вскоре прославилась виртуозным «Призраком дома на холме» (*The Haunting of Hill House*, 1959), выпустила роман «Птичье гнездо» (*The Bird's Nest*, 1954), героиня которого, 23-летняя Элизабет, страдает от распада личности. Перед психиатром (и читателем) одна за другой предстают четыре альтернативные личности: Бетси, Бет, Лиззи и Бесс. Отметим остроумие Джексон, обыгравшей знаменитый детский стишок из «Матушки Гусыни» (*Mother Goose*) как в именах, так и в количестве субличностей героини:

Elizabeth, Elspeth, Betsy, and Bess,
They all went together to seek a bird's nest;
They found a bird's nest with five eggs in,
They all took one, and left four in.

В переводе С. Маршака эти строчки звучат так: «Элизабет, Лиззи,/ Бэтси и Бэсс/ Весною с корзинкой/ Отправились в лес./ В гнезде на березе,/ Где не было птиц./ Нашли они пять/ Розоватых яиц./ Им всем четверым/ По яичку досталось./ И все же четыре/ На месте осталось»⁵.

«Лиззи», экранизация «Птичьего гнезда», была выпущена в 1957 г., однако особого успеха не имела. Удивительным совпадением стал выход на экраны киноленты «Три лица Евы» (*The Three Faces of Eve*) режиссера Наннэлли Джонсона одновременно с «Лиззи». Одноименная книга о Еве психиатров К. Тигпена и Х. Клекли⁶, а за ней

⁴ Prince, W.F. "The Doris Case Of Multiple Personality. Part 2." *Proceedings of the American Society for Psychical Research* 9 (1916): 73–122.

⁵ Самуил Маршак помог русскому читателю разобраться в загадочной арифметике, дописав сюжет в полном соответствии с логикой, содержащейся в поэтико-лингвистической загадке: «Хоть разные/ Названы здесь имена/ (Элизабет, Лиззи, /Бэтси и Бэсс), /Но так называлась/ Девчонка одна./ Она и ходила/ С корзинкою в лес».

⁶ Thigpen, C., Cleckley, H. *The Three Faces of Eve*. New York: McGraw-Hill, 1957.

и фильм, повествует о пациентке, явившейся к психиатру с жалобами на головные боли и амнезию (провалы в памяти). В ходе терапии выясняется, что в одном сознании сожительства скрываются Ева Уайт с распушенной Евой Блэк. Более того, видимо, не удовлетворившись черно-белым двойничеством, о себе заявляет еще одна личность – вполне сбалансированная Джейн.

Сюжет о Еве закрепился в общественном сознании после вручения «Оскара» за лучшую женскую роль актрисе Джоан Вудвард. Публику заворожил феномен множественной личности. Именно это произведение в совокупности с «Птичьим гнездом» (и, разумеется, благодаря экранным версиям) заложило основу литературной формулы «романа расщепления», где диссоциация личности непременно связывается с предысторией, а именно, с той или иной детской травмой, пока не обязательно сводимой к сексуальному харассменту.

Всего два года спустя Роберт Блох опубликовал первый роман о Нормане Бэйтсе «Психопат» (*Psycho*, 1959), в котором раздвоение личности психопата-убийцы вызвано совершенным в детстве преступлением: он убил свою мать, которая сначала с садистским упорством убеждала сына в греховности секса, а затем завела любовника. Alter ego Бэйтса замещает фигуру матери, которой и делегируется право очищать мир от греха. Принимая облик матери, Бейтс совершает убийства. Так формула двойничества впервые оказалась спаяна с сюжетом о сексуально-окрашенном насилии над ребенком, будущим маньяком⁷.

Естественно, успех одноименной гениальной экранизации (*Psycho*, 1960) осуществленной Альфредом Хичкоком, окончательно убедил читателей и кинозрителей в исключительной занимательности раздвоенных персонажей. Но вскоре деление персонажа всего лишь «на два» (или «на три») многим писателям показалось недостаточным. И несмотря на то, что допдельгангеры по-прежнему появляются в литературе и кино – достаточно упомянуть трагикомического «Американского психопата» (*American Psycho*, 1991) Брета Истона Эллиса, детективный роман Мэри Хиггинс Кларк «Прогулка по городу» (*All Around*

⁷ Двадцать лет спустя уже упомянутый нами роман «Красный дракон» Томаса Харриса окончательно закрепил следующую сюжетную причинно-следственную схему: жертва насилия, пережитого в детстве, почти наверняка станет серийным убийцей. Раздвоение личности кровавого маньяка Фрэнсиса Долархайда, прозванного «Зубной феей», на ничем не примечательного служащего фотомастерской и Красного дракона, сошедшего с акварели У. Блейка, объясняется именно тем, что тот постоянно подвергался сексуальному насилию сначала со стороны бабушки, а потом со стороны приемных родителей.

the Town, 1992) и «Бойцовский клуб» (*Fight Club*, 1996) Чака Паланика, жесткую и остроумную книгу о бегстве от себя в фантазию о другом, о бесплодной попытке обрести самость через насилие – художники все больше тяготеют к «многочисленным» сюжетам.

Книга Сивиллы

Первый пик популярности жанра «роман расщепления» пришелся на 1973 год, когда была опубликована книга «Сибил» или «Сивилла» (*Sybil, The True Story of a Woman Possessed by Sixteen Separate Personalities*) журналистки Флоры Шрайбер, написанная по свидетельствам нью-йоркского психиатра Корнелии Уилбур⁸. В книге рассказывается о девушке с шестнадцатью субличностями обоего пола и разного возраста. Начало реальной истории относится к 1954 г., когда студентка, фигурирующая под именем «Сибил Дорсет», пришла к Уилбур на консультацию.

Флора Шрайбер избрала повествование от лица всеведущего нарратора, а также прибегла к приему, который изобрел Генри Джеймс. Прием «множественность точек зрения», само собой разумеется, полностью отвечал художественной задаче изобразить «множественную личность».

Роман «Сибил» начинается с того, что героиня обнаруживает, что каким-то образом оказалась в совершенно незнакомом месте. Девушка не представляет себе, как она сюда попала. Несмотря на растерянность и панику, ей удается совладать с собой и благополучно вернуться в свой номер отеля. Этот провал в памяти вызывает у нее поток мыслей о ее психоаналитике, докторе Корнелии Уилбур. Сибил вспоминает все события, случившиеся с их первой встречи, когда она пришла к Уилбур с жалобами на «нервы». По правилам флэшбека, прошлое становится настоящим, что позволяет читателю пережить весь процесс развития отношений психотерапевта и пациентки.

Спустя некоторое время доктор Уилбур начинает подозревать, что Сибил страдает куда более тяжелым недугом. Доктор ставит диагноз «множественная личность». Процесс психотерапии, в течение которого Уилбур настоятельно рекомендует Сибил ознакомиться с книгой «Три лица Евы» (sic!), выявляет ужасную причину: созна-

⁸ Schreiber, F. *Sybil: The True Story of A Woman Possessed By 16 Separate Personalities*. Chicago: Henry Regnery Co., 1973.

ние несчастной больной, возможно, дезинтегрировалось в результате продолжительного сексуального насилия, пережитого в детстве. Насильником, как это ни фантастично, была мать девочки. Вторая глава начинается с рассказа о родителях Сибил и об ее детстве. Последовательное повествование о прошлом чередуется с изображением процесса терапии, так как действие то и дело переносится в кабинет доктора Уилбур, чья основная задача – выявить причины расщепления, установить точное количество личностей, найти подход к каждой (пойрой они неохотно идут навстречу психотерапевту), побудить их всех к откровенному разговору и в итоге убедить Сибил, упорно отвергающую свой диагноз, в том, что ей следует признать и принять свою сложнейшую психическую реальность, научиться сосуществовать со своими «сожителями», чтобы объединиться с ними и так завершить лечение.

Третья глава возвращает нас в номер отеля, где растерянная Сибил предается воспоминаниям. Автор вновь погружает нас в процесс психотерапии, раскрывающей все новые секреты. В четвертой, заключительной главе, все детали паззла собираются, все личности до единой обнаружены. Сибил наконец-то интегрируется со всеми своими «ипостасями», научившись мирному и гармоничному сожительству с ними.

Книга мгновенно стала бестселлером и три года спустя была экранизирована. Четырехчасовой телефильм получил четыре премии «Эмми». Успех литературного и телевизионного проектов породил настоящую эпидемию признаний со стороны многих пациентов (чаще всего женщин) в том, что они страдают от множественного расстройства личности. В 1980-е гг. диагноз MPD (multiple personality disorder) был включен в перечень психических заболеваний, возникло Международное общество изучения множественной личности и диссоциации (ISSMP&D), был основан специализированный журнал, открыты специализированные клиники, изданы учебники. На этом история Сибил не закончилась. В 1995 г. психиатр Герберт Шпигель, в свое время также обследовавший и неоднократно консультировавший эту пациентку, признался, что еще тогда, в 1950-е гг. поставил диагноз, в корне отличный от поставленного Корнелией Уилбур. Шпигель сообщил журналистам, что пациентка – ярко-выраженная истеричка, которой свойственно путать более или менее сознательно выбранные «роли».

Он обвинил Уилбур и Шрайбер не только в неверной диагностике, но и в подтасовке фактов ради сенсационного сюжета⁹.

Интрига очередной раз была подогрета в 2011 г., когда вышла книга «Разоблачение Сибил: необычайная история, стоящая за знаменитым делом о множественной личности»¹⁰ журналистки и писательницы Дебби Натан. В этой публикации она раскрыла подробности того, как именно доктор Уилбур фабриковала субличности Сибил, применяя в том числе гипноз и наркотические препараты, вызывающие галлюцинации, что лишь усугубляло состояние и без того неустойчивой психики больной.

Сенсационные разоблачения вроде тех, что касались Сибил, поставили под сомнение существование диссоциативного расстройства идентичности как такового. Некоторые эксперты считают его вариативным проявлением иных психических заболеваний. Другие рассматривают DID как культурный феномен, искусственно стимулируемый в процессе взаимодействия врача и пациента¹¹. Скептики утверждают, что благодаря американским патографиям и «роману расщепления» утвердился новый культ возможно несуществующего недуга¹².

В самом деле, разве не подозрителен сам по себе необъяснимый экспоненциальный рост выявленных случаев этого заболевания? Только к началу 1990-х гг. количество официально диагностированных случаев возросло в 6000 раз по сравнению с уровнем зарегистрированных историй этого заболевания к 1973 г. Однако сторонники диагноза возражают: именно потому, что специалисты обратили на него пристальное внимание, подобные случаи стали оперативно выявляться. В одной из недавних научных статей, опубликованных в «Гарвардском психиатрическом журнале», группа авторитетных авторов объявила крестовый поход против мифологии, связанной с DID¹³. Они решительно

⁹ См.: Jacobson, B., Spiegel, H. "Sybil – the Making of a Disease: An Interview with Dr Herbert Spiegel." *New York Review* 44:7 (April 1997): 60–64.

¹⁰ Nathan, D. *Sybil Exposed: The Extraordinary Story Behind the Famous Multiple Personality Case*. New York: Simon and Schuster, 2011.

¹¹ Borch-Jacobsen, M. *Making Minds and Madness: From Hysteria to Depression*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

¹² См.: McHugh, P. "Hysteria in Four Acts." *Commentary* (1 Dec. 2008). Online at <https://www.commentarymagazine.com/articles/hysteria-in-four-acts/>; Acocella, J. *Creating Hysteria: Women and Multiple Personality Disorder*. New York: Jossey-Bass, 1999; Shwarz, H. *Beware of the Other Side(s): Multiple Personality Disorder and Dissociative Identity Disorder in American Fiction*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2013.

¹³ Brand, B., Sar, V., Stavropoulos, P., et. al. "Separating Fact from Fiction: An Empirical Examination of Six Myths About Dissociative Identity Disorder." *Harvard Review of Psychiatry* 24:4 (July 2016): 257–270.

заявили, что это реальное тяжелое посттравматическое расстройство, существование которого не вызывает сомнений после 40 лет серьезных исследований, что случаи этого заболевания часто регистрируются во всем мире, а вовсе не исключительно в США, как заявляют оппоненты. Следовательно, полагают авторы статьи, составители 5-ой редакции «Диагностического и статистического руководства по психическим заболеваниям»¹⁴ имели все основания включить DID в свой перечень. Однако и у лагеря противников есть свои резоны: публикации, подобные гарвардской, направлены на лоббирование интересов кафедр, журналов и, в особенности, клиник, вовлеченных в «DID бизнес». Кто бы мог подумать, что «расщепление» станет прибыльным!

«Роман расщепления», в частности, освещает парадоксы коммуникации, демонстрируя – пусть и от противного – непроницаемость, нечитаемость субъекта психотерапии. Невероятность сюжета, раскрывающего выдуманную или реальную клиническую историю диссоциации, заключается в драматизированном представлении нескольких участников авто-коммуникации. Возможное, но не единственное объяснение данной аномалии – это глубина травмы, неустойчивость психики (одновременно и ее безудержная креативность). «Роман расщепления» – это поиск сердцевины, в которой сходятся воедино все представленные читателю личности, это поиск ответа на вопрос о том, что или кто виноват в поступках подобных пациентов.

Боль и преступления Билли Миллигана

В 1981 г. вышел роман-расследование «Множественные умы Билли Миллигана» (*The Minds of Billy Milligan*), освещающий жизнь человека, который впервые в истории США был признан невменяемым в связи с диагнозом «расстройство множественной личности» и, следовательно, невиновным в совершении тяжких преступлений сексуального характера. Описание поразительной истории Уильяма Стэнли Миллигана принадлежит перу Дэниела Киза, известного фантаста, чей роман «Цветы для Элджернона» (*Flowers for Algernon*, 1966) был удостоен премии «Небьюла».

Совершенно закономерно, что Киз, начинавший свое литературное творчество как фантаст, не прошел мимо реальной криминально-психиатрической истории, более фантастической, чем самые сме-

¹⁴ American Psychiatric Association. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*. 5th ed. Arlington, VA: APA, 2013.

лые выдумки писателей. Его бэкграунд студента-медика, несомненно, помог справиться с нетривиальной художественной задачей: показать невероятный многофигурный мир сознания, замещающего и искажающего реальность.

Во время описанных в книге событий Киз проживал в том же городе, где находилась психиатрическая больница, в которую поместили Билли, а также дружил с его лечащим врачом, доктором Колом. Последний пригласил Киза встретиться с Билли, чтобы обсудить возможность написать его биографию. В итоге Билли решил довериться писателю. В основу романа легли многочисленные беседы с Миллиганом, записанные Кизом в течение 1979 г.

Художественная задача романа-биографии заключалась в объективистском описании того, почему и каким образом психотическое сознание отрицает невыносимую реальность и замещает ее внутренней вселенной. Тайна Билли на наших глазах подвергается деконструкции. Процесс расшифровки и интерпретации, в сущности, и есть стержень сюжета. Киз придумал замысловатую композицию, идеально соответствующую как сверхсложности диагноза, так и трудности художественной задачи: убедительно доказать верность поставленного диагноза и, следовательно, вызвать сочувствие к герою¹⁵.

Роман начинается с сообщения о серии преступлений, совершенных в 1977 г. в городе Коламбус, штат Огайо: в течение двух недель

¹⁵ После «Множественных умов» Киз еще долгое время продолжал общаться с Миллиганом и собирал материал для сиквела «Войны Миллигана» (*The Milligan Wars*). Этот роман был опубликован в Японии, Тайване и Франции, однако в США не издавался. В нем описаны события из жизни Билли в течение последующих десяти лет после выхода первой книги: шесть переводов из одной больницы в другую, неудачный брак, побег в 1986 г. из психиатрической больницы штата Огайо и арест спустя четыре с половиной месяца сотрудниками ФБР. Все это время Билли не прекращал борьбу с негуманной системой охраны психического здоровья, с системой психиатрических клиник. (См. *Frequently Asked Questions and Updates*. Online at: <http://www.danielkeyesauthor.com/faq.html>). В 1991 г. его, наконец, признали «целостным», психически здоровым и выпустили на свободу. (См. напр., газетную заметку об очередной поимке Миллигана: “Escaped Fugitive Caught.” Online at http://articles.chicagotribune.com/1986-11-22/news/8603270881_1_ohio-psychiatric-hospital-billy-milligan-fbi-agents”). Однако позже Билли заявил в одном из интервью, что его личности не находятся в состоянии «перманентного слияния». (См.: “A Statement from Billy Milligan.” Online at <http://www.astraeasweb.net/plural/milligan.html>). В 2009 г. вышел роман Киза «Пророчества психиатрической лечебницы» (*The Asylum Prophecies*) о женщине с множественной личностью, которую держат в плену, и чье разделенное подсознание хранит информацию о предстоящем террористическом акте в США.

три женщины были похищены с территории университетского городка, ограблены и изнасилованы. Потерпевшие дали противоречивые показания относительно личности и поведения преступника.

Мы не будем вдаваться в теории психоза с целью интерпретировать реального Билли – жертву и агрессора. Скажем лишь, что в эпизодах нападений Билли предстает как личность, не осознающая сложнейшей природы сексуальных отношений, не способная справиться с эросом без танатоса. Его болезнь – это отрицание пережитого в детстве, продолжавшегося многие годы сексуального насилия, это утешение и вместе с тем стратегия выживания. Следовательно, попытки медиков «вытащить» пациента из спасительного мрака на беспощадно яркий свет, в некотором смысле можно квалифицировать как немилосердные.

В начале повествования может показаться, что Киз создал типичный полицейский детектив, в котором, как водится, описан процесс сбора улик, допросы свидетелей, составление фоторобота и пр. Однако авторское предисловие еще раньше дезавуировало личность преступника. Читатель может предположить, что поскольку преступник известен, рассказ будет вестись о сложном процессе его поимки. Однако уже в первой главе полицейские приходят в дом Билли и застают его за рисованием. Преступник никак не может понять, в чем его обвиняют.

Далее на сцену выходят назначенные судом адвокаты Билли – Гэри Швайкарт и Джуди Стивенсон, оказавшиеся совестливыми людьми и крепкими профессионалами. От их внимания не ускользает странное поведение подзащитного. И хотя все улики говорят против Билли, а его положение выглядит безнадежным, адвокаты цепляются за единственную возможность уберечь его от тюрьмы и просят разрешения на то, чтобы Билли был освидетельствован психологом. Лишь в процессе психиатрической экспертизы выясняется, что Билли страдает расстройством множественной личности. Тогда в романе впервые отчетливо звучат голоса разных субличностей героя, которые по очереди «выходят» на сцену, чтобы познакомиться с психологом, представляются и рассказывают о себе. Так обнаруживается, что в Билли живет десяток «людей» (персонажей). То, как их квалифицирует читатель, зависит от его точки зрения на текст, на факты, предоставленные нам Кизом, и на сам диагноз.

Тема «психическая болезнь как нравственный парадокс» делает роман Киза, в частности, и «роман расщепления», в целом, захватывающим чтением. Этот жанр по-новому ставит вопрос о целостности сознания. Разве нам не интересно, как именно сознание собирает

в единое целое осколки, отражающие внешний мир и создающие мир внутренний? Что происходит, когда отсутствует сильный центр, когда центробежная сила побеждает центростремительную?

В книге Киза показано, как субличности выполняют свои задачи. Мы узнаем, что они отличаются разными способностями и навыками, у каждой свой характер. Есть у них и некая иерархия, т.е. среди них выделяются две главные. Первая – Артур, берущий на себя ответственность в более или менее безопасных ситуациях, когда требуется холодный расчет. Второй авторитет – Рейджен, выполняющий функцию защитника. Его вмешательство необходимо в угрожающих ситуациях. Субличности отличаются друг от друга национальностью, мировоззрением, религиозным исповеданием, а также возрастом и физическими параметрами: полом, весом, ростом, телосложением, цветом глаз, и возрастом (в сознании Билли живет несколько детей). Разумеется, эти различия являются субъективными представлениями большого о частях единого распавшегося целого. Подлинный Билли, т.е. ядро личности, вот уже много лет спит, так как субличности не дают ему прийти в сознание, охраняя его. Дело в том, что, приходя в сознание, Билли тотчас пытается покончить жизнь самоубийством.

Из рассказа Артура, одного из «альтер-эго» Билли, читатель узнает, что перед внутренним взором Билли существует некое «пятно», похожее на свет от прожектора, в которое может встать одна из субличностей, чтобы завладеть сознанием. Иногда другие субличности наблюдают за действиями того, кто находится в пятне, но чаще всего они ничего не знают о поступках других. Более того, каждая субличность обладает собственной памятью, не имея доступа к воспоминаниям других. Они могут вести между собой диалоги, либо попеременно завладевая «пятном», либо мысленно – в таких случаях Билли говорит, что «слышит голоса».

Этот конгломерат личностей Артур называет «семьей». Как в настоящей семье, между ними строго распределены обязанности. Так, например, восемнадцатилетний Аллен наделен красноречием, поэтому с окружающими, как правило, общается именно он; восьмилетний Дэвид отличается исключительной эмпатией, он выходит в «пятно» когда кому-то больно, принимая чужую боль на себя; Рейджен воплощает агрессивную сторону Билли, поэтому его называют «хранителем ненависти», его главный талант – умение управлять выбросами адреналина, что позволяет ему демонстрировать нечеловеческую силу; трехлетняя Кристина – единственная, кто может успокоить Рейджена, сдерживая его агрессию; Адалана берет на себя заботы

по дому. Их «семейственность» заключается также и в том, что взрослые заботятся о детях, а дети слушаются взрослых. Важные решения принимаются сообща.

Интересно, что личности не подозревали о существовании друг друга до того, как Билли исполнилось четырнадцать лет. Первым, кто догадался, что он не единственный в «семье», был Артур, шаг за шагом отыскивавший всех остальных и установивший между ними связь. Когда с Билли происходило что-то плохое, когда он нарушал закон, начинались так называемые «смутные времена»: личности теряли контакт друг с другом. Именно в один из таких моментов Билли схватила полиция.

В ходе психотерапии выясняется, что помимо известных десяти субличностей в Билли живут еще тринадцать – их Артур характеризует как «нежелательные». Он запрещает им выходить в «пятно света» и завладевать сознанием. Но в моменты сильных эмоциональных потрясений, когда психическое состояние Билли становится особенно неустойчивым, подавленные Артуром «личности» нарушают запрет.

В конце концов проявляется еще одна, двадцать четвертая личность Билли и представляется Учителем. Он – комбинация всех двадцати трех «я». Это и есть «целостный», интегрированный Билли. Учитель обладает полной памятью всех субличностей, начиная с раннего детства. Как только читатель знакомится с Учителем, время в повествовании останавливается. Мы переносимся в прошлое Билли. Исповедь Учителя делает доступной всю историю Билли и его субличностей, начиная с далекого прошлого, когда ребенок регулярно подвергался сексуальному насилию со стороны отчима. Как видим, причинно-следственная связь, характерная для «романа расщепления», и в данном случае наличествует.

С появлением Учителя у нас наконец-то появляется ответ на вопрос, где именно и как сосуществуют все эти «субличности». Киз изображает некое инопространство, в котором плохо ориентируются даже сами «альтеры»: они часто не могут найти друг друга «в темноте», исчезают на время, прячутся. В этом инопространстве они играют друг с другом, общаются или занимаются своими делами. Так, например, Артур каким-то образом умудряется серьезно изучать биологию.

Игра со временем и сложная композиция позволяют читателю проделать путь от фактов к осмыслению содержания болезни Билли и далее – к состраданию. Безусловно, работая над этим романом, Киз находился под сильным влиянием, в частности «Сибил». Писатель этого не скрывает. Так, например, в романе о Билли психолог просит

адвоката прочитать книгу Шрайбер, чтобы понять, с какого рода проблемой они столкнулись. Более того, в романе появляется ни кто иная как Корнелия Уилбур, психиатр Сибил. Несомненно, Киз внимательно прочитал и другой прецедентный текст – «Диссоциацию личности» Мортон Принса.

Подобно «Сибил», роман Киза начинается с предисловия, где автор рассказывает, какими именно материалами он воспользовался, каковы были его отношения с главным героем биографии. Оба автора настойчиво убеждают читателя в том, что все рассказанное – чистая правда. В обоих произведениях за предисловием следует раздел, содержащий краткое описание и характеристику всех личностей протагониста. В «досье» указаны имена, возраст, физические данные личностей, описывается их внешность, хобби, черты характера, приводятся наиболее значимые в их жизни события. Надо заметить, что композиция романа Киза не настолько сложна и раздроблена, как в романе Флоры Шрайбер, где использован прием «двойного флэшбека» – Past и Past Perfect. Художественная задача Киза также отличалась от той, что решалась в «Сибил», где акцент в основном сделан на методах исследования человеческой души с помощью психоанализа.

Один из главных вопросов, так или иначе присутствующих в любом «романе расщепления» – действительно ли герой страдает от психического недуга и не является ли он притворщиком, гениальным лицедеем. Выступая от лица разных персонажей, населяющих сознание Билли, Киз подчеркивает, что личности – это не «маски», не «фантомы» и не галлюцинации, а «люди», не менее реальные, чем сам Билли: «Доктор Кол, это люди, а не “личности”. [...] если вы будете называть нас “личностями”, у нас сложится впечатление, что вы отрицаете факт нашей реальности. А это усложнит терапию»¹⁶.

Любопытно, что и сам Билли иногда сомневается в поставленном ему диагнозе: «К тому моменту Билли уже поверил на слово в то, что говорили ему другие, – что он множественная личность, хотя внутри себя не находил никаких этому подтверждений»¹⁷. Не менее поразительно и то, что, когда одни субличности требуют, чтобы их считали «людьми», другие признают собственную галлюцинаторную природу: «Я [...] плод воображения. [...] У меня проблем нет. Я сам есть проблема»¹⁸.

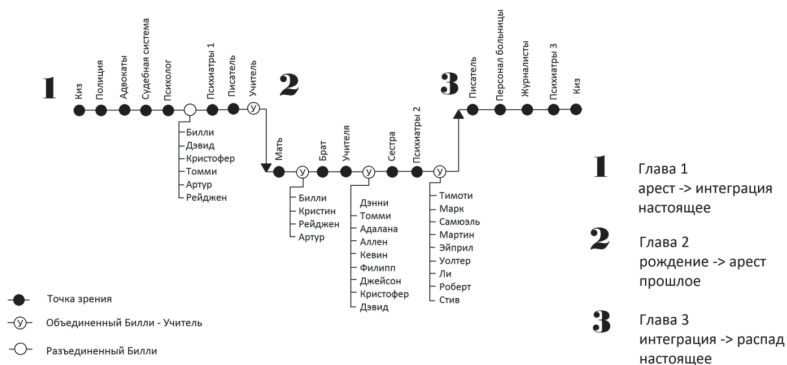
¹⁶ Киз Д. Таинственная история Билли Миллигана. М.: Издательство «Э», 2015. С. 174.

¹⁷ Там же. С. 204.

¹⁸ Там же. С. 202–203.

Порой Билли склоняется к тому, чтобы объяснить свое состояние вмешательством таинственных сил: «[...] Все это время за разделенными частями стояла безымянная сущность – некто, кого Рейджен назвал Учителем. То есть получается, что это невидимое, состоящее из различных фрагментов, похожее на духа нечто по имени Учитель и создало всех остальных, как детей, так и чудовищ, – и, следовательно, оно одно несло ответственность за совершенные ими преступления»¹⁹.

Хронология сюжета
График появления точек зрения

Такое сопоставление точек зрения позволило Кизу объективировать фантастический случай Билли Миллигана. Мнение читателя о достоверности или умозрительности клинической истории складывается из суммы предъявленных ему доказательств, тем более что роман изобилует документальными вставками. Газетные статьи, отчеты, письма, протоколы дают основание трактовать текст как эхо «нового журнализма».

Разумеется, книга Киза может интерпретироваться как научная фантастика, если принять во внимание весьма спорный диагноз DID. Ее можно воспринимать и как пособие по медицинской этике. Но разве в этом назначение литературы?

Имя им – легион!

«Роман расщепления» не ограничился 24 личностями Билли Миллигана. В 1987 г. была опубликована беллетризованная автобиография Труди Чейз «Когда кролик воет» (*When Rabbit Howls*, 1987), где автор

¹⁹ Там же. С. 204.

раскрывает истоки собственного диссоциативного расстройства, диагностированного в зрелом возрасте. В процессе психотерапии открылось, что ее систематически – с двух лет до шестнадцати – насиловал отчим и избивала мать. Прибегнув спустя годы к помощи профессионального психотерапевта, Чейз отказалась интегрировать 92 своих эго-состояния в единую личность, отдав предпочтение другой стратегии, т.е. воспринимая субличности как обороняющее ее «войско» (“troops”). В 1990 г. телекомпания ABC выпустила минисериал «Внутренние голоса: жизни Труди Чейз» (*Voices Within: The Lives of Truddi Chase*), основанный на книге. Вкупе с интервью, взятой Опрой Уинфри у Чейз в том же году, эта история, разумеется, привлекла еще больше внимания к и без того сенсационной теме расщепления личности, а главное – к теме жестокого обращения с ребенком. В этом интервью прозвучало симптоматичное признание Труди: «Нет больше никакой “Я”, есть “Мы”».

Тринадцать лет спустя Мэтт Рафф в романе «Прибери этот дом: любовная история душ» (*Set This House in Order: A Romance of Souls*, 2003) довел тему умножения сущностей до абсурда. Главный герой этой книги, Энди Гейдж, – жертва жестокого насилия, совершенного отчимом вскоре после рождения мальчика. Тогда же его сознание прибегло в качестве защиты к расщеплению на сотню независимых «душ». Нельзя не заметить сюжетных параллелей с автобиографией Труди Чейз. Но поскольку писатель, очевидно, решил, что и сотни будет мало, он придумал еще один персонаж – коллегу Энди, Пенни Драйвер, также страдающую DID. Некоторые из ее «душ» обращаются к Энди, прося о помощи, что приводит в движение весь сложнейший механизм психологической самозащиты героя. Фантазмагория перекрестных отношений двух расщепленных сознаний – потенциально богатый сюжет, анекдотичность которого, однако, дезавуирует изначально трагический посыл. Такой принцип изображения субъектов расщепления подобен схеме нарезки туши, глядя на которую предложено думать о бифштексах, а не о живом страдающем существе.

Этот пример, как и предыдущие, демонстрирует, что «роман расщепления» прекрасно выполняет две задачи – развлекать и привлекать внимание к теме. Яркая образность, свойственная дискурсу расщепления, т.е. «нарезка» характера на отдельные пласты (субличности), будучи многократно повторенной, быстро исчерпывает смыслы несмотря на то, что комбинаторика, казалось бы, допускает большую вариативность. Многомерность, метафорически понимаемая как разорванность сознания, которую «высоколобая литература» (*highbrow literature*) преподносит в образе сложного, мятущегося, противоречивого персонажа,

в массовой литературе изображается либо как одержимость сверхъестественными сущностями – так происходит в жанре готического триллера, например, в «Экзорцисте» (*The Exorcist*, 1971) Уильяма Блэтти; либо объясняется специфическим расстройством высшей нервной деятельности, болезнью – к такой трактовке располагает «роман расщепления». В последнем случае природная сложность и глубина единого характера замещаются ловко формализованным конгломератом эго-состояний, набором деталей конструктора.

ЛИТЕРАТУРА

Головачева И.В. Битва alter ego: от По до Генри Джеймса // По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения / ред. С. Фокина и А. Ураковой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 176–188.

Киз Д. Таинственная история Билли Миллигана. М.: Издательство «Э», 2015.

Acocella, J. *Creating Hysteria: Women and Multiple Personality Disorder*. New York: Jossey-Bass, 1999.

Borch-Jacobsen, M. *Making Minds and Madness: From Hysteria to Depression*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Brand, B., Sar, V., Stavropulos, P., et. al. "Separating Fact from Fiction: An Empirical Examination of Six Myths About Dissociative Identity Disorder." *Harvard Review of Psychiatry* 24:4 (July 2016): 257–270.

Dee, R. *Fractured: Nine Lives to Escape My Own Abuse*. London: Hodder & Stoughton, 2009. "Escaped Fugitive Caught." Online at http://articles.chicagotribune.com/1986-11-22/news/8603270881_1_ohio-psychiatric-hospital-billy-milligan-fbi-agents

Gregory, J. *Sickened: The Memoir of a Munchausen by Proxy Childhood*. New York: Bantam Dell, 2003.

Hawkins, A. *Reconstructing Illness: Studies in Pathography*. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 1996.

Jacobson, B., Spiegel, H. "Sybil – the Making of a Disease: An Interview with Dr Herbert Spiegel." *New York Review* 44:7 (April 1997): 60–64.

Jamieson, A. *Today I'm Alice: Nine Personalities, One Tortured Mind*. London: Sidgwick & Jackson, 2009.

Jamison, K.R. *An Unquiet Mind: A Memoir of Moods and Madness*. New York: Vintage, 1993.

McHugh, P. "Hysteria in Four Acts." *Commentary* (1 Dec. 2008). Online at <https://www.commentarymagazine.com/articles/hysteria-in-four-acts/>.

Keyes, D. "Frequently Asked Questions and Updates." Online at: <http://www.danielkeyesauthor.com/faq.html>

Milligan, W. "A Statement from Billy Milligan." Online at <http://www.astraeasweb.net/plural/milligan.html>

Nathan, D. *Sybil Exposed: The Extraordinary Story Behind the Famous Multiple Personality Case*. New York: Simon and Schuster, 2012.

Oxnam, R.B. *A Fractured Mind: My Life with Multiple Personality Disorder*. New York: Hyperion, 2005.

Prince, M. *The Dissociation of a Personality: a Biographical Study in Abnormal Psychology*. New York, etc.: Longmans, Green, and Company, 1905.

Prince, W.F. "The Doris Case of Quintuple Personality." *Journal of Abnormal Psychology* 11 (1916): 73–122.

Schreiber, F. *Sybil: The True Story of a Woman Possessed By 16 Separate Personalities*. Chicago: Henry Regnery Company, 1973.

Shwarz, H. *Beware of the Other Side(s): Multiple Personality Disorder and Dissociative Identity Disorder in American Fiction*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2013.

Thigpen, C., Cleckley H. *The Three Faces of Eve*. New York: McGraw-Hill, 1957.

West, C. *First Person Plural: My Life As a Multiple*. New York: Hyperion, 1999.

REFERENCES

Acocella, J. *Creating Hysteria: Women and Multiple Personality Disorder*. New York: Jossey-Bass, 1999.

Borch-Jacobsen, M. *Making Minds and Madness: From Hysteria to Depression*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Brand, B., Sar, V., Stavropoulos, P., et. al. "Separating Fact from Fiction: An Empirical Examination of Six Myths About Dissociative Identity Disorder." *Harvard Review of Psychiatry* 24:4 (July 2016): 257–270.

Dee, R. *Fractured: Nine Lives to Escape My Own Abuse*. London: Hodder & Stoughton, 2009. "Escaped Fugitive Caught." Online at http://articles.chicagotribune.com/1986-11-22/news/8603270881_1_ohio-psychiatric-hospital-billy-milligan-fbi-agents

Golovacheva, I.V. "Bitva alter ego: ot Po do Genri Dzeimsa." ["The Battle of *alter ego* from Edgar Poe to Henry James."] In *Po, Bodler, Dostoievskii: Blesk i nishcheta natsional'nogo genija*, [Poe, Baudelaire, Dostoievsky: Splendeurs et Misères of a National Genius] ed. by S. Fokin, A. Urakova. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017: 176–188. (In Russ.)

Gregory, J. *Sickened: The Memoir of a Munchausen by Proxy Childhood*. New York: Bantam Dell, 2003.

Hawkins, A. *Reconstructing Illness: Studies in Pathography*. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 1996.

Jacobson, B., Spiegel, H. "Sybil – the Making of a Disease: An Interview with Dr Herbert Spiegel." *New York Review* 44:7 (April 1997).

Jamieson, A. *Today I'm Alice: Nine Personalities, One Tortured Mind*. London: Sidgwick & Jackson, 2009.

Jamison, K.R. *An Unquiet Mind: A Memoir of Moods and Madness*. New York: Vintage, 1993.

McHugh, P. "Hysteria in Four Acts." *Commentary* (1 Dec. 2008). Online at <https://www.commentarymagazine.com/articles/hysteria-in-four-acts/>.

Keyes, D. "Frequently Asked Questions and Updates." Online at: <http://www.danielkeyesauthor.com/faq.html>

Keyes, D. *Tainstvennaia istorija Billi Milligana*. [*The Minds of Billy Milligan*] Moscow: "E" Publ., 2015. (In Russ.)

Milligan, W. "A Statement from Billy Milligan." Online at <http://www.astraeasweb.net/plural/milligan.html>

Nathan, D. *Sybil Exposed: The Extraordinary Story Behind the Famous Multiple Personality Case*. New York: Simon and Schuster, 2012.

Oxnam, R.B. *A Fractured Mind: My Life with Multiple Personality Disorder*. New York: Hyperion, 2005.

Prince, M. *The Dissociation of a Personality: a Biographical Study in Abnormal Psychology*. New York, etc.: Longmans, Green, and Company, 1905.

Prince, W.F. "The Doris Case of Quintuple Personality." *Journal of Abnormal Psychology* 11 (1916): 73–122.

Schreiber, F. *Sybil: The True Story of a Woman Possessed By 16 Separate Personalities*. Chicago: Henry Regnery Company, 1973.

Shwarz, H. *Beware of the Other Side(s): Multiple Personality Disorder and Dissociative Identity Disorder in American Fiction*. Bielefeld: Transcript Verlag, 2013.

Thigpen, C., Cleckley, H. *The Three Faces of Eve*. New York: McGraw-Hill, 1957.

West, C. *First Person Plural: My Life As a Multiple*. New York: Hyperion, 1999.